

АФРИКА: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

DOI: 10.31857/S086919080016634-4

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ ОБ УЧАСТИИ ТАНЗАНИЙСКИХ НАРОДОВ
И ВОЖДЕЙ В РАБОТОРГОВЛЕ XIX В.¹

© 2021

О.В. ИВАНЧЕНКО^a^a – Институт Африки РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-4343-9844; ayleen@yandex.ru

Резюме: Статья написана на основе результатов полевых исследований, проведенных в Танзании в 2018–2020 гг. А.А. Банициковой, О.В. Иванченко и В.Н. Брындиной. Исследование было посвящено историческим воспоминаниям танзанийцев об арабо-суахилийской работорговле XIX в., а также возможному влиянию этой печальной страницы истории на современные межэтнические отношения в стране. Было собрано более 160 формальных и неформальных интервью на английском и суахили в Дар-эс-Саламе, Багамойо, Каоле, Танге, Пангани, на Занзибаре и в нескольких других населенных пунктах. Поиск информантов для интервьюирования проходил с учетом соблюдения репрезентативности выборки по уровню образования, полу, возрасту, конфессии, этнической принадлежности.

В данной статье рассматривается такой частный вопрос, как участие танзанийских вождей в работорговле. Респондентам задавались вопросы о том, участвовали ли вожди и местные народности в данном бизнесе; если да, то какие и в каком качестве, какова была их мотивация; сказываются ли возможные воспоминания об этом на современных отношениях между различными народами Танзании.

Было выяснено, что у танзанийцев нет негативного отношения к местным народам и вождям, участвовавшим в работорговле; более того, их участие довольно часто представляется как вынужденное (из страха перед арабами, обладавшими более современным оружием, либо в результате уловок и обмана с их стороны). При этом об участии арабов в работорговле известно гораздо более широко, в отношениях между афро- и арабо-танзанийцами наличествуют некоторые трения, в том числе связанные с историей. Вызывает интерес, что при ответе на вопросы об известных танзанийских лидерах, участвовавших в работорговле, респонденты часто вспоминали вождей, известных сопротивлением германской колонизации. Для танзанийцев история сопротивления колониальным властям и обретения независимости остается намного более важной и актуальной, чем воспоминания о работорговле.

Ключевые слова: Танзания, работорговля, межэтнические отношения, вожди, историческая память.

Для цитирования: Иванченко О.В. Культурная память об участии танзанийских народов и вождей в работорговле XIX в. *Восток (Orient)*. 2021. № 5. С. 168–179. DOI: 10.31857/S086919080016634-4

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ 20-09-00361 «Культурная память об арабской работорговле XIX века и ее влияние на межэтнические отношения в современной Танзании».

PARTICIPATION OF TANZANIAN TRIBES AND TRIBAL CHIEFS
IN THE 19th CENTURY SLAVE TRADE

© 2021

Oksana V. IVANCHENKO ^a^a – Institute for African Studies, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0002-4343-9844; ayleen@yandex.ru

Abstract: *This article summarizes the results of three field studies conducted in Tanzania in 2018–2020 by A.A. Banshchikova, O.V. Ivanchenko and V.N. Bryndina. The research focused on Tanzanians' memories about the 19th century Arab-Swahili slave trade and its possible impact on the contemporary interethnic relations in the country. More than 160 formal and informal interviews in English and Swahili were taken in Dar es Salaam, Bagamoyo, Kaole, Tanga, Pangani, Zanzibar and several other locations. The choice of informants was carried out maintaining representativeness of the sample by the education level, gender, age, confession, ethnicity.*

This article highlights the participation of Tanzanian chiefs in the slave trade. Respondents were asked whether tribal chiefs and tribes took part in this business; which tribes and chiefs were involved; what was their motivation; do these memories affect nowadays interethnic relations in Tanzania.

It turned out that Tanzanians do not express negative attitude towards local tribes and chiefs involved in the slave trade; moreover, their involvement is often presented as enforced (due to the fear of Arabs, who possessed more modern weapons, or as a result of their dishonesty). Meanwhile, the engagement of Arabs in the slave trade is well known; there are some tensions in the relations between Afro- and Arab-Tanzanians, including those related to history. Talking about renowned persons involved in the slave trade, respondents often named chiefs famous for resisting German colonization. For them the story of resistance to colonial rule and gaining independence remains much more important than the memory of the slave trade.

Keywords: Tanzania, slave trade, interethnic relations, chiefs, historical memory.

For citation: Ivanchenko O.V. Participation of Tanzanian Tribes and Tribal Chiefs in the 19th Century Slave Trade. *Vostok (Oriens)*. 2021. No. 5. Pp. 168–179. DOI: 10.31857/S086919080016634-4

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00361.

Данная работа написана по итогам трех сезонов полевых исследований, посвященных изучению исторической памяти об арабской работорговле XIX в., проведенных А.А. Баншиковой, О.В. Иванченко и В.Н. Брындиной в 2018–2020 гг. в ряде населенных пунктов Танзании (Дар-эс-Салам, Багамойо, Каоле, Пангани, Танга и Занзибар и других). В ходе исследований было собрано более 160 формальных и неформальных интервью на английском и суахили, многие из которых были глубинными. Помимо общих вопросов о том, что респонденты знают о работорговле (например, кем были работорговцы, куда вывозили рабов и т.д.), и вопросов, призванных выявить возможное влияние данной ситуации на современные межэтнические отношения в стране, в интервью присутствовали вопросы об участии местных вождей в работорговле: какие именно вожди и народы известны в данном отношении, какова была мотивация их участия и как это повлияло на современные отношения между разными народами Танзании.

АРАБО-СУАХИЛИЙСКАЯ РАБОТОРГОВЛЯ XIX в. НА ТЕРРИТОРИИ СОВРЕМЕННОЙ ТАНЗАНИИ

На территории Африки, как и на территории современной Танзании, работорговля велась веками. Уже во втором веке нашей эры рабов из Африки вывозили в Египет, а в более позднее время они направлялись в Персию, Аравию, Индию и Китай, где использовались в качестве солдат, домашних слуг и рабочих [Law 1967, p. 183; Ofcansky, Yeager, 1997, p. 167]. Отношения рабства, патернализма, личной зависимости были неотъемлемой чертой большинства африканских обществ. Существуют ранние доколониальные свидетельства рабовладения у *берберов* Марокко и Алжира, *туарегов* Сахары, *эфиопов*, *египтян* и *сомалийцев*, *волоф* Сенегала и Гамбии, *лози* Замбии, а также среди народов *ньямвези* и *чагга* Танзании и оманских арабов прибрежных районов Восточной Африки [Bezemer *et al.*, 2014, p. 5]. В доколониальную эпоху местными народами часто совершались рейды на территории соседей с целью захвата рабов; также рабами становились военнопленные и преступники; рабы могли быть получены в качестве дани, уплачиваемой завоеванными народами; иногда в рабство обращались свободные люди за долги [Iliffe, 1979, p. 17; Lovejoy *et al.*, 1979, p. 19; Bezemer *et al.*, 2014, p. 7]. Во времена голода вожди начинали активно заниматься набегами с целью захвата рабов, которые впоследствии обменивались на продовольствие [Gueye, 1979, p. 152].

То есть работорговля и сам институт рабства – феномен, возникший в Африке не в результате воздействия внешних сил (прибытия арабов, европейцев); многие ученые полагают, что именно существование автохтонных форм рабства и зависимости стало важной предпосылкой для дальнейшего вовлечения местных народов в «экспортную» работорговлю [Gueye, 1979, p. 150; Bezemer *et al.*, 2014, p. 5].

В раннее Новое время работорговля велась в основном из внутренних районов бассейна Замбези (Мозамбик) и контролировалась португальцами. В XVIII в. французы основали плантации сахарного тростника на территории Маврикия (Иль-де-Франс) и Реюньона (Бурбон), которые нуждались в рабочей силе в больших объемах, чем могло предоставить местное население. В результате спрос на рабов повысился: большая часть поступала туда из Мозамбика, примерно четверть поставляла Килва [Gerbeau, 1979; Ogot, 1979, p. 177; Klein, 2005, p. 1384].

В первой половине XIX в. на Занзибаре и Пембе появились обширные плантации гвоздики, кокосов и зерна, которые требовали еще большей рабочей силы, чем плантации Маскаренских островов. Их владельцами были в основном оманские арабы, а также местные суахилийские дельцы с континента. Султан Сеййид Саид, правитель Маската, Омана и Занзибара, перенес столицу из первого в последний; в его правление остров стал ведущим мировым поставщиком гвоздики и крупнейшим невольничьим рынком Восточной Африки [Collins, 2006, p. 339]. Помимо удовлетворения нужд Занзибара и Пембы, рабов вывозили в Аравию, страны Персидского залива, Персию, Индию, на острова Реюньон, Маврикий, Мадагаскар, на Коморы и Сейшелы [Shepherd, 1980, p. 75; Austen, 1988, p. 21; Alpers, 2005, p. 7].

Арабы стремились во внутренние районы Танганьики с целью добычи рабов, со временем местные правители также включились в этот процесс. В обмен на рабов они хотели получить огнестрельное оружие, чтобы расширить свои территории и захватывать еще больше рабов. То есть, по сути, африканские вожди довольно часто стали выступать как посредники арабских купцов в работорговле [Овчинников, 1986, с. 70].

Через территорию Танганьики проходило три основных маршрута, по которым двигались караваны со слоновой костью и рабами. Центральным маршрут начинался в городе

Уджиджи на побережье озера Танганьика (регион Кигома), проходил через нынешние области Кигома, Табора, Сингида, Додома, Морогоро и заканчивался в Саадани, Винде, Багамойо (область Пвани), Дар-эс-Саламе и Мбвамаджи (область Дар-эс-Салам) [Sheriff, 1988; Sheriff, 2005]. Северный маршрут начинался у озера Виктория и доходил до Момбасы (на территории современной Кении), Танги и Пангани (область Танга); южный маршрут вел от южной границы озера Малави до Килвы (область Линди) [Rockel, 2006, p. 5]. Как правило, работорговлей занимались те народы Танганьики, через территории которых пролегли данные маршруты.

НАИБОЛЕЕ ИЗВЕСТНЫЕ ПРАВИТЕЛИ ТАНГАНЬИКИ И ИХ СВЯЗЬ С РАБОТОРГОВЛЕЙ

Историки Танзании используют записки европейских путешественников и миссионеров как свидетельства участия местных вождей в работорговле. Разумеется, эти источники имеют все недостатки мемуарной литературы: субъективность персонального восприятия, порой неглубокое погружение в описываемую реальность, возможные ошибки из-за недостаточного понимания происходящего в экзотическом регионе, в котором говорят на чужом языке. Помимо этого, существует устная традиция, также не всегда отражающая реалии, но достаточно широко распространенная среди современных танзанийцев. Хотелось бы привести краткие описания биографий самых известных вождей, вовлеченных в работорговлю, и впоследствии сравнить исторические свидетельства с ответами наших респондентов.

Самым известным работорговцем и рабовладельцем региона можно назвать Хамада бин Мухаммада аль-Мурджаби по прозвищу Типпу Тип (1837–1905)². Он был смешанного арабо-суахилийского происхождения. Ему удалось победить в войне с западными вождествами Увинза и Угалла (современные области Кигома и Катави соответственно) и создать собственную торговую империю в восточном Конго; он был одной из важнейших политических фигур региона [Brode, 1907; Laing, 2017].

Одним из самых важных местных вождей, вовлеченных в работорговлю, являлся правитель народа *ньямвези*, основатель вождества Урамбо (современный регион Табора) Мтиэла Касанда, более известный как Мирамбо (1840–1884), что различные авторы переводят как «идущий по трупам», «по бедра в трупах» или просто «трупы» [Unomah, 1977, p. 13; Iliffe, 1979, p. 62; Овчинников, 1986, с. 81]. Ему удалось создать самое большое по площади государство в Восточной Африке XIX в. [Unomah, 1977, p. 45]. На западе его влияние распространялось почти до озера Танганьика, на севере – до озера Виктория и на юге – до территории рядом с озером Руква (подр. см.: [Bennet, 1971; Unomah, 1977]). Мирамбо контролировал наиболее важные торговые пути Центральной Африки, по которым вывозили слоновую кость и рабов. Благодаря торговле с европейцами он приобрел огнестрельное оружие и создал армию *руга-руга*, состоящую из молодых воинов, не имевших семей, из числа военнопленных, беглых рабов и дезертиров из караванов [Iliffe, 1979, p. 61].

В период борьбы Танзании за независимость политики времен Джулиуса Ньерере воспринимали Мирамбо как националиста и ярого защитника африканского суверенитета. На собрании историков-африканистов в Дар-эс-Саламе в 1965 г. партия ТАНУ перефразировала одну из военных песен Мирамбо, «*Ohoo, chuma kimevunja kichwa*» (пер. суахили: «Ооо, железо разбило голову»), в строки «*Ohoo, TANU uajenga nchi*» (пер. суахили «ТАНУ строит страну»), ставшую практически вторым национальным гимном [Kabeya, 1976, p. ix–xi]. Впоследствии, однако, отношение к Мирамбо стало двойственным: некоторые считали

²Прозвище связано со звуком передергивания затвора винтовки перед выстрелом, так как он отличался большой жестокостью.

его олицетворением жестоких и травматичных потрясений доколониальной эпохи, в том числе потому, что он был одним из крупнейших работорговцев Восточной Африки, что не соответствовало романтическим идеям Ньерере о гармоничном африканском прошлом [Reid, 2019, p. 1050].

У Мирамбо был известный союзник, представитель королевской семьи Ньяньембе, вождь народа *кимбу*, Нъюнгу-йя-Мавэ (?–1884), что означает «горшок из камня», т.е. горшок, который никогда не сломается. Он также командовал армией *руга-руга* и был известен своей жестокостью. Нъюнгу-йя-Мавэ завоевал земли к югу от Укимбу (современная область Сингида) – местность, бывшую важным источником слоновой кости, но разделенную на отдельные мелкие вожества [Iliffe, 1979, p. 64]. Нъюнгу-йя-Мавэ начал оспаривать арабское господство в Уняньембе и на центральных торговых путях в то же время, когда Мирамбо строил свое государство дальше на севере. Как и Мирамбо, Нъюнгу успешно использовал внутренние противоречия между таборскими арабами, вступая с ними в сражения и на время успешно блокируя важные торговые пути.

На территориях *ньямвези* был еще один выдающийся вождь, также стремившийся к контролю над торговлей слоновой костью и рабами на центральном маршруте, – Исике (?–1893), правивший королевством Уняньембе (современный регион Тabora) с 1876 г. Правление Исике можно условно разделить на два периода: первые годы были охарактеризованы борьбой за утверждение власти и попытками обуздания влияния арабов; в дальнейшем Исике и его королевство однозначно заняли доминирующую позицию со значительным влиянием за пределами Уняньембе и на большей части центральной и западной Танзании. С середины правления Исике позиции арабов в его королевстве сильно ослабли, арабским торговцам приходилось платить высокие пошлины за вербовку носильщиков и проезд караванов через территорию Уняньембе.

До второй половины девятнадцатого века *яо* жили в районе к востоку от озера Малави, со временем успешные торговцы стали устанавливать владычество над территориями, в том числе с помощью работорговли [Alpers, 1966, p. 2; Lovejoy, 2012, p. 229]. Вероятно, у *яо* до XIX в. не было династий вождей как таковых, однако в связи с экономическими изменениями в XIX в. они появились. Величайшими из вождей-основателей династий были Матака, Маканджила, Мпонда, Кавинга, Джаласи и Матипвири, каждый из них достиг славы и могущества благодаря торговле и набегам, сохраняя доминирующее положение с помощью военной мощи [Alpers, 1969, p. 413]. Самым известным из вождей был Матака I (1806–1879), который, отделившись от вожества матери, основал свой собственный клан. Сначала Матака и его последователи стали плести корзины и обменивать их на железные мотыги. Впоследствии они стали покупать рабов за мотыги, чтобы расширить клан. Вскоре Матака начал совершать набеги на соседние племена с целью захвата рабов, плетение корзин было оставлено, он воевал со всеми землями *яо* и в конце концов стал верховным правителем [Alpers, 1969, p. 414].

В записях христианского миссионера УМКА³ Джонсона Уильяма Персиваля Джонсона сообщается, что ему пришлось спешно покинуть территорию *яо* после того, как британцы освободили половину каравана рабов вождя, а тот, в свою очередь, посчитал миссионера виновным ([Johnson, 1925, p. 54], цит. по: [Alpers, 1975, p. 184]).

Также был известен вождь народа *самбаа* на севере нынешней Танзании (регион Танга), при котором королевство Усамбара достигло своего расцвета [Iliffe, 1979, p. 65], Кимвери-йе-Ньюмбаи (?–1862). Его помнят как самого могущественного правителя империи Килинди, поскольку ему удалось расширить королевство от горы Килимаджаро до прибрежной зоны между Тангой и Пангани [Feierman, 1968, p. 8; Lipschutz, Rasmussen, 1986, p. 108].

³ УМКА – Universities Mission to Central Africa.

Начиная с 1840-х гг., он стал активно конкурировать с другими вождями за ружья и порох [Biginagwa 2012, p. 73]. Часто в обмен на оружие и боеприпасы продавали рабов из числа бунтовщиков, людей, обвиняемых в колдовстве, и военнопленных. Впоследствии Кимвери издал указ о том, что продавать соплеменников в рабство можно и за серьезное воровство [Feierman, 1990, p. 56, 89]. Со временем многие вожди заменяли смертные приговоры для соплеменников на продажу в рабство, в частности, для обвиняемых в колдовстве; наказание иногда распространялось и на родственников обвиняемого [Iliffe, 1979, p. 50].

Еще одним знаменитым вождем был Мквава, правитель народа *хехе* из региона Иринги. В ходе полевого исследования респонденты часто упоминали его в числе вождей, занимавшихся работорговлей, однако нам не удалось найти свидетельств, связывающих его с этим бизнесом. Мквава бы известен тем, что воевал против Мирамбо и Ньюнгу-йя-Мавэ, арабских торговцев, состоял в союзе с Исике [Iliffe, 1979, p. 57]. Но больше всего он прославился ожесточенным сопротивлением немецким войскам, пришедшим на территорию *хехе* в 1891 г. Армия Мквавы, вооруженная в основном копьями, а не огнестрельным оружием, несколько раз наносила поражения немцам. В 1894 г. столица Мквавы Каленге была атакована, форт взят, однако он сумел бежать и перешел к партизанским военным действиям. 19 июля 1898 г. немецкие солдаты нашли его убежище, и Мквава застрелился, чтоб избежать казни. Его череп был вывезен в Германию и хранился в музее Бремена; в 1954 г он был возвращен в Танганьiku и поступил на хранение в мемориальный музей Мквавы в Каленге (подр. см.: [Redmayne, 1968; Fischer, 2016]).

УЧАСТИЕ МЕСТНЫХ ВОЖДЕЙ В РАБОТОРГОВЛЕ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ РЕСПОНДЕНТОВ

Информанты, которые рассказывали об участии местных вождей в работорговле и их помощи арабам, проводили несколько повторяющихся из интервью в интервью идей. Первая – что без помощи «на местах» пришельцы-арабы не смогли бы вести свой бизнес успешно. Приведем ряд высказываний.

«Эти люди, арабы, они приходили за рабами. Но здесь не их территория, они должны были связаться с местными. Кто-то из местных вроде “большого человека”, верховного вождя. Надо было заплатить что-нибудь верховному вождю, после чего он разрешал им пройти», – сказал мусульманин, *ширази* с Занзибара.

«У тех людей, которые были торговцами, – у арабов – были свои специальные люди, которые ходили в деревню ловить рабов. Арабы обычно обращались к вождям, когда приезжали в деревню, а вожди им помогали. В те времена они [африканцы] жили в страхе, даже боялись выйти из деревни, потому что знали, что их поймут и поработят», – сообщил пожилой работник церкви со средним образованием.

Вторая важная мысль касалась безусловного авторитета вождя: если у него была договоренность с арабами, то те люди, которых он определял, должны были уйти с ними.

«Когда человек хотел купить человека... Он шел к вождю; не к верховному вождю вроде Мквавы, а к помощникам на местах. Все делалось очень, очень тайно, людей покупали за большие деньги и увозили. У проданных не было прав, если вождь говорил: “Иди!”, они соглашались. Им нечего было возразить – когда вождь приказывал, ему нельзя было сопротивляться», – рассказал сотрудник Мемориальной академии Мвалиму Ньерере, *хехе*.

«У нас вожества. В Африке, когда папа говорит что-то, то это закон в доме. Когда вождь говорит что-то – это закон в сообществе. Так что, если вождь приказывает – вы, юноши, и вы, девушки, [должны идти]... Хотя юношей выбирал вождь, а девушек – хозяева. Но юношей выбирал вождь, потому что он был очень сильным и мог делать, что хотел...

Послушание: они все подчинялись правителю», – отметил молодой человек с высшим образованием, *маньема-хехе*.

Следующий блок, вычленимый в ответах респондентов, связан с представлениями о возможной мотивации вождей. Большинство информантов сходятся во мнении, что прежде всего это была возможность получения выгоды и прибыли, причем зачастую речь шла не о деньгах, а о желанных товарах: одежде, бусах, зеркалах, браслетах, стеклянной посуде.

«Да, лидеры, это были люди, которые все организовывали, им иногда платили деньги. Арабы и европейцы, они иногда приходили с одеждой, они давали местным лидерам одежду, а те им – рабов», – сказала девушка *самбаа*, учащаяся в колледже.

«Это [работорговля] скорее походило на обмен в бизнесе. Они [работорговцы] берут здесь рабов, сильных, тех, кто им понравится, а взамен дают вождю что-нибудь. Например, зеркала, чтоб увидеть себя, следить за лицом, такие вещи. В те времена зеркала казались настолько важными по сравнению с людьми, которых отдавали в рабство», – сообщил молодой человек, учащийся в колледже в Багамойо.

«Арабы и иностранцы из других стран никогда не брали в рабство людей с побережья, потому что, когда они высаживались с лодки, они хотели быть в безопасности. Они старались вести себя дружелюбно, хорошо обращались с жителями побережья, но у них было много вещей... Подарков, как одежда, ружья, зеркала, ожерелья, бусины – у них это все было. Они говорили с вождем с побережья, а он говорил со своими людьми. Они [вожди] шли вглубь континента и говорили с местными вождями. ... Они вместе организовывали своих людей в поход для захвата пленников из маленькой деревни. То есть арабы и другие торговцы не ходили напрямую сами, чаще всего они оставались на побережье», – отметил молодой занзибарец.

Огнестрельное оружие упоминается респондентами реже, хотя исторически как раз оно являлось основным товаром для обмена на рабов. Наличие современного огнестрельного оружия укрепляло силу того или иного вождя и его народа, позволяло гораздо успешнее вести войны с соседями и таким образом захватывать еще больше рабов, а также продавать в рабство военнопленных. Но это не единственный способ укрепления власти вождя как следствие участия в работорговле: помимо военнопленных, в рабство часто отправляли преступников и политических противников из числа соплеменников, что также отмечалось респондентами:

«Некоторые [продавали людей] из своего племени, особенно людей, которые считались... которые плохо себя вели в сообществе, они были изгнаны, проданы в рабство, они были проданы, чтобы избежать [неприятностей]», – рассказал молодой человек с высшим образованием из Дар-эс-Салама.

«Арабы нанимали вождей в качестве посредников, то есть источника получения людей для поддержания бизнеса. ... В основном они [вожди] использовали эту возможность как политическое преимущество, потому что племена соперничали. Всякий раз, когда была битва, победившее племя забирало сильных людей [из побежденных], потом вождь продавал врагов. Так что это использовалось для получения политических преимуществ. Но, с другой стороны, они продавали и собственных людей! Потому что местный вождь всегда знает, в каком доме живет сильный мужчина, а где живет слабый», – отметил во время экспертного интервью преподаватель университета в Дар-эс-Саламе.

«[Они продавали своих людей], потому что хотели избавиться от них, а не сажать в тюрьму, которой у них не было. Или убивать [нарушителей], что они редко делали, хотя в некоторых сообществах такое бывало. Но иногда им было гораздо проще продать этих людей, чтоб они ушли с караваном и исчезли: уходи вместе со своими проблемами!», – сказал немолодой шахтер, *паре-луо*.

В качестве другой возможной мотивации респонденты указывали на страх перед арабами. У них было современное огнестрельное оружие; отказ от сотрудничества с ними мог привести к неприятностям для самого вождя и его народа. Один из респондентов рассказал нам семейную историю о том, что его прапрадед был вождем *гого*, но однажды к нему пришли арабы в поисках рабов. Большинство вождей окрестных деревень согласились отдать своих людей, поскольку у арабов были ружья, но он отказался. Тогда арабы взяли его и его людей силой и отвели в Пангани. Там, по словам респондента, есть большой дом, в котором держали рабов в ожидании покупателей-немцев (*sic*). Вскоре его прадед последовал за караваном тайком, чтоб узнать, куда отвели пленников. Он прошел весь путь от Додомы до Пангани пешком, после чего вернулся домой и рассказал семье, что случилось с отцом – вождем, который отказался продавать своих людей.

«Когда вы идете к вождю, вы говорите: “Вождь, вот что вам нужно сделать”. Если вы не согласитесь, то они убьют вас и вашу семью... Да, вы можете быть из одного племени и делать плохие вещи только для того, чтобы спасти свою жизнь. Да, но даже в разных племенах были вожди, которые не хотели продавать людей из Танзании, они продавали из-за страха», – подытожил свой рассказ респондент-*гого*.

При этом некоторые танзанийцы верят в то, что вождей обманывали, предлагая им подарки и прося «одолжить» соплеменников для сопровождения и помощи с грузами. Но уходившие с караваном арабов, не возвращались, потому что были проданы.

«Итак, людям [работорговцам] были нужны люди в помощь. Но когда они уходили, то в итоге не возвращались. Когда они снова пришли за людьми, их спросили: “Где те люди, которые ушли с вами раньше? Где наши мужья, где наш папа?”. Вот тогда и стала понятна проблема. Да, они начали драться, кто-то начал сопротивляться, потом наконец догадались использовать силу [против работорговцев]», – сообщил молодой ювелир, *чагга*.

«Они часто не говорили, что собираются продать людей, они говорили, что все честно. Просто понесите мой багаж, у меня его много, я сам не могу донести, так что приведите мне ваших людей, они очень сильные, они могут помочь донести багаж из внутренних районов континента на побережье. А потом мы им заплатим, и они вернутся. Но когда они уходили, их в итоге продавали, вот и все. Позже вожди осознали: “Мы много людей послали на побережье, они не вернулись”. Они поняли, что ведется нечестная игра, и прекратили. Тогда арабы стали устраивать засады, захватывать деревни силой. Но раньше этого не было, из-за менталитета. Люди им доверяли и думали, что ушедшие вернутся», – сообщил гид из Багамойо.

ПЕРСОНАЛИИ ИСТОРИИ РАБОТОРГОВЛИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ПОЛЕВОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В Таблице 1 подсчитано общее количество упоминаний того или иного деятеля за три сезона полевого исследования; каждый респондент мог называть любое количество персонаний.

Верхние две позиции в таблице (с отрывом в пользу первой) занимают Типпу Тип и султан Занзибара Сеййид Саид. Обращают на себя внимание следующие факты: а) в представлении респондентов главные акторы работорговой истории «базируются» на Занзибаре (Сеййид Саид там проживает; Типпу Тип имеет дом, существующий и наше время, также он похоронен на острове; через Занзибар ведется экспорт рабов либо они остаются на островах архипелага для работы на плантациях); б) и этнически, и культурно, и в религиозном плане оба они соотносятся с арабскими элементами на территории Танганьики, оманской миграцией и властью (султан напрямую представляет династию Бусайдов); в) их участие

в работорговле исторически достоверно и широко освещено в танзанийских школьных учебниках, в экспозициях музеев и в научно-популярной литературе.

Далее в таблице следует блок «Мквава – Мирамбо – Абушири» со значительным количеством упоминаний. Для Мквавы и Абушири нет исторических свидетельств, указывающих на связь с работорговым бизнесом (по крайней мере, на данный момент нам их обнаружить не удалось). Для Мирамбо они есть, но знаменит он прежде всего созданием сильного государства и борьбой с усилением арабского влияния на центральных торговых путях. Однако можно сказать и другое: все трое – самые известные деятели Танганьики; Мквава и Абушири широко известны как герои сопротивления германской колонизации. Если посчитать общее количество упоминаний для деятелей, связанных с работорговлей, и для тех, кто выделился в борьбе против немцев, то будет видно, что респонденты упоминали первых примерно в два раза чаще (что логично), однако массив ответов из второй группы также остается существенным: 41 упоминание из 135, чуть меньше трети. Из 15 упомянутых исторических личностей всего 6 связаны только с работорговлей, 9 (считая Мирамбо и Исике) известны борьбой с силами, которые воспринимались и воспринимаются до сих пор как чужеземцы, это арабы и немцы.

Таблица 1

Общее количество упоминаний того или иного деятеля за три сезона полевого исследования

Имя	N	Чем известен
Типпу Тип	42	Крупнейший работорговец региона; араб-суахили
Сеййид Саид	25	Султан Занзибара, оманский араб; напрямую связан с работорговлей
Мквава	20	Вождь хехе, боролся с германской колонизацией
Мирамбо	16	Вождь ньямвези, связан с работорговлей, боролся с арабами
Абушири	12	Лидер антигерманского восстания
Кимвери	5	Вождь самбаа, связан с работорговлей
Исике	4	Вождь ньямвези, связан с работорговлей, боролся с арабами и с германской колонизацией
Султан Мангунгу	3	Правитель Усагары, подписавший «договор вечной дружбы» с К. Петерсом
Манги Мели	2	Вождь чагга, боролся с германской колонизацией
Абдаллах Фундикира III	1	Последний вождь ньямвези при независимости
Бвана Хери	1	Один из лидеров антигерманского восстания Абушири
Киниджикитиле Нгвале	1	Зачинатель и один из лидеров антигерманского восстания маджи-маджи
Мтеми Мазенго (Киголе)	1	Вождь гого, боролся с германской колонизацией
Мкама Ндуме	1	Правитель Пембы XV в.
Ньюнгу-йа-Маве	1	Вождь кимбу, связан с работорговлей

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, рассмотрение персоналий истории работорговли подтверждает выводы, сделанные по другим вопросам и материалам полевого исследования (см. подр.: [Banshchikova, Ivanchenko, 2019; Банщикова, Иванченко, 2020 (1); 2020 (2); Банщикова и др., 2020]). Для танзанийцев история сопротивления колониальным властям и обрече-

тения независимости намного важнее и актуальнее, нежели воспоминания о работорговле. По сути, именно с истории борьбы за независимость и начинается национальная история Танзании. Политики поколения Джулиуса Ньерере пытались представить работорговлю как часть более длительного управления страной внешними силами, включая европейский колониализм [Giblin, 2005, p. 32]. Довольно часто при разговоре о событиях XIX в. у респондентов происходила подмена дискурса с работоргового на колониальный, они снова вспоминали сопротивление колонизаторам и историю борьбы за независимость, хотя интервью велось только про работорговлю. Примечательно, что за три сезона полевого исследования на вопрос о том, испытывают ли танзанийцы какие-либо негативные чувства по отношению к вождям или народам, которые помогали работорговцам, сами участвовали в продаже африканцев, соплеменников или представителей других народностей, ни один респондент не дал положительного ответа. Не удалось обнаружить ни малейшего «напряжения» во «внутренних» межэтнических отношениях в связи с работорговлей, хотя такое «напряжение» фиксируется и является достаточно существенным для «внешних» межэтнических отношений в Танзании, а именно отношений афро- и аработанзанийцев как в связи с работорговой историей, так и «по касательной» от нее в связи с некоторыми современными реалиями [Банщикова, 2021].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Банщикова А.А., Иванченко О.В. Воспоминания об арабской работорговле и межэтнические отношения в современной Танзании: между семейной травмой и государственной политикой толерантности. *Антропологический форум*. 2020 (1). № 44. С. 83–113 [Banshchikova A.A., Ivanchenko O.V. Memories of the Arab Slave Trade and Interethnic Relations in Modern Tanzania: between Family Trauma And State Policy of Tolerance. *Forum for Anthropology and Culture*. 2020(1). No. 44. Pp. 83–113 (in Russian)].

Банщикова А.А., Иванченко О.В. Конец арабской работорговли XIX века в представлениях христиан и мусульман современной Танзании. *Stratum plus*. 2020(2). № 6. С. 349–359 [Banshchikova A.A., Ivanchenko O. V. Abolition of the 19th Century Arab Slave Trade in the Views of Christians and Muslims of Modern Tanzania. *Stratum plus*. 2020(2). No. 6. Pp. 349–359. (in Russian)].

Банщикова А.А., Брындина В.Н., Иванченко О.В. Представления о географии арабской работорговли XIX в. в современной Танзании: результаты полевого исследования. *Восток (Oriens)*. 2020. № 1. С. 82–93 [Banshchikova A.A., Ivanchenko O.V., Bryndina V.N. Perception of Geographical Destinations of 19th Century Arab Slave Trade in Modern Tanzania: Field Research Results. *Vostok (Oriens)*. 2020. No. 1. Pp. 82–93 (in Russian)].

Банщикова А.А. Танзания. Современное рабство, межэтнические отношения и групповая репрезентация арабов. *Азия и Африка сегодня*. 2021. № 5. С. 59–65 [Banshchikova A.A. Tanzania. Contemporary Slavery, Interethnic Relations and Group Representation of Arabs. *Asia and Africa Today*. 2021. No. 5. Pp. 59–65 (in Russian)].

Овчинников В.Е. *История Танзании в новое и новейшее время*. М.: Наука, 1986 [Ovchinnikov V.E. *History of Tanzania in the Early Modern and Modern Periods*. Moscow: Nauka, 1986 (in Russian)].

Alpers, E.A. *The Role of the Yao in the Development of Trade in East-Central Africa*. PhD thesis. SOAS University of London, 1966.

Alpers E.A. Trade, State, and Society Among the Yao in the Nineteenth Century. *The Journal of African History*. 1969. Vol. 10. No. 3. Pp. 405–420.

Alpers E.A. *Ivory and Slaves in East Central Africa. Changing Patterns of International Trade to the Later Nineteenth Century*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1975.

- Alpers E.A. Introduction: Slave Routes and Oral Tradition in Southeastern Africa. *Slave Routes and Oral Tradition in Southeastern Africa*. Ed. Zimba B., Alpers E.A., Isaacman A.F. Maputo (Mozambique): Folsom Entertainment, 2005. Pp. 1–12.
- Austen R.A. The 19th Century Islamic Slave Trade from East Africa (Swahili and Red Sea Coasts): A Tentative Census. *Slavery and Abolition*. 1988. Vol. 9 (3). Pp. 21–44.
- Banshchikova A., Ivanchenko O. Historical Memory of the 19th-Century Arab Slave Trade in Modern-Day Tanzania: Between Family Trauma and State-Planted Tolerance. *The Omnipresent Past. Historical Anthropology of Africa and African Diaspora*. Ed. D.M. Bondarenko, M.L. Butovskaya. Moscow: LRC Publishing House, 2019. P. 23–45.
- Bennett N.R. *Mirambo of Tanzania, 1840–1884*. Oxford University Press, 1971.
- Bezemer D., Bolt J., Leninsk R. Slavery, Statehood, and Economic Development in Sub-Saharan Africa. *World Development*. Elsevier, 2014. Vol. 57(C). Pp. 148–163.
- Biginagwa T. Historical Archaeology of the Nineteenth-Century Caravan Trade in Northeastern Tanzania: a Zooarchaeological Perspective. *Azania Archaeological Research in Africa*, 2012. 47(3). Pp. 405–406.
- Brode H. *Tippoo Tib, The Story of His Career in Central Africa, Narrated from His Own Accounts*. London: Edward Arnold, 1907.
- Collins R.O. The African Slave Trade to Asia and the Indian Ocean Islands. *African and Asian Studies*, 2006. Vol. 5. Issue 3–4. Pp. 325–346.
- Feierman S. The Shambaa. *Tanzania before 1900*. Ed. A. Roberts. Nairobi: East African Publishing House for the Historical Association of Tanzania, 1968. Pp. 1–16.
- Feierman S. *Peasant Intellectuals: Anthropology and History in Tanzania*. University of Wisconsin Press, 1990.
- Fischer G. Talking to Chief Mkwawa. *Ethnography*. 2016. Vol. 17. No. 2. Pp. 278–293.
- Gerbeau H. The Slave Trade in the Indian Ocean: Problems Facing the Historian and Research to be Undertaken. *The African Slave Trade from the Fifteenth to the Nineteenth Century. Reports and papers of the meeting of experts organized by UNESCO at Port-au-Prince, Haiti, 31 January to 4 February 1978*. Paris: Imprimeries Réunies de Chambéry, 1979. Pp. 184–207.
- Giblin J. The Slave Trade, the Hegemony of Paternalism, and their Place in the National History of Tanzania. *Slaves Routes and Oral Tradition in Southeastern Africa*. Ed. B. Zimba, E.A. Alpers, A. F. Isaacman. Maputo, 2005. Pp. 253–278.
- Gueye M. The Slave Trade within the African Continent. *The African Slave Trade from the Fifteenth to the Nineteenth Century. Reports and papers of the meeting of experts organized by UNESCO at Port-au-Prince, Haiti, 31 January to 4 February 1978*. Paris: Imprimeries Réunies de Chambéry, 1979. Pp. 150–163.
- Illiffe J. *A Modern History of Tanganyika*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979.
- Kabeya J.B. *King Mirambo: One of the Heroes of Tanzania*. Nairobi: East African Literature Bureau, 1976.
- Klein M.A. Slavery: Mediterranean, Red Sea, Indian Ocean. *Encyclopedia of African History*. Ed. Shillington K. New York, London: Fitzroy Dearborn, 2005. Pp. 1382–1384.
- Laing S. *Tippu Tip. Ivory, Slavery and Discovery in the Scramble for Africa*. Cowes, Medina Publishing, 2017.
- Law R.C.C. The Garamantes and Trans-Saharan Enterprise in Classical Times. *The Journal of African History*, 1967. Vol. 8. No. 2. Pp. 181–200.
- Lipschutz M.R., Rasmussen R.K. *Dictionary of African Historical Biography*. University of California Press, 1986.
- Lovejoy P. *Transformations in Slavery: A History of Slavery in Africa*. Cambridge University Press, 2012.
- Lovejoy P., Kopytoff I., Cooper F. Indigenous African Slavery. *Historical Reflections / Réflexions Historiques*. Berghahn Books, 1979. Vol. 6 (1). Pp. 19–83.

Ofcansky T.P., Yeager R. *Historical Dictionary of Tanzania*. Second edition. London: Scarecrow Press Inc, 1997.

Ogot A. Population Movements between East Africa, the Horn of Africa and the Neighbouring Countries. *The African Slave Trade from the Fifteenth to the Nineteenth Century. Reports and papers of the meeting of experts organized by UNESCO at Port-au-Prince, Haiti, 31 January to 4 February 1978*. Paris: Imprimeries Réunies de Chambéry, 1979. Pp. 175–182.

Redmayne A. Mkwawa and the Hehe Wars. *The Journal of African History*. 1968. Vol. 9. No. 3. Pp. 409–436.

Reid R. Remembering and Forgetting Mirambo: Histories of War in Modern Africa. *Small Wars & Insurgencies*. 2019. Vol. 30 (4-5). Pp. 1040–1069.

Rockel S.J. Forgotten Caravan Towns in 19th Century Tanzania: Mbwamaji and Mpwapwa. *Azania: Journal of the British Institute in Eastern Africa*. 2006 (1). Vol. 41. Issue 1. 2006. Pp. 1–25.

Shepherd G. The Comorians and the East African Slave Trade. *Asian and African Systems of Slavery*. Ed. Watson J.L. University of California Press, 1980. Pp. 73–100.

Sheriff A. Localisation and Social Composition of the East African Slave Trade, 1858–1873. *Slavery & Abolition*. 1988. Vol. 9. Issue 3. Pp. 131–145.

Sheriff A. Slave Trade and Slave Routes of the East African Coast. *Slave Routes and Oral Tradition in Southeastern Africa*. Ed. B. Zimba, E.A. Alpers, A.F. Isaacman. Maputo, Mozambique: Folsom Entertainment, 2005. Pp. 13–38.

Unomah A.C. *Mirambo of Tanzania*. London: Heinemann Educational, 1977.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ИВАНЧЕНКО Оксана Васильевна – младший научный сотрудник Института Африки РАН, Москва, Россия.

Oksana V. IVANCHENKO, Junior Researcher, Center of History and Cultural Anthropology, Institute for African Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.